

Через три месяца женщины не стало.

Когда человек заболевает — это похоже на падение с горы. Не говоря уже о том, что в организме годами таились болезни, которые невозможно было контролировать.

Бай Шаоцин использовал драгоценные травы, которые он собирал отовсюду; вложил всю душу в лечение, но дыхание женщины, тем не менее, становилось все слабее и слабее.

— Шаоцин... — голос женщины был таким, будто это ее последний звук.

— Мама. — Женщина слегка пошевелила пальцами и Бай Шаоцин поспешно сжал их обеими руками. Он не осмеливался держать слишком крепко, но когда коснулся их, то понял, что его собственные пальцы еще холоднее, чем у матери. Поспешно отдернув руки, он потерял их, а затем снова осторожно взял ее ладони.

— Мама, что вы хотите? — прошептал Бай Шаоцин. — Пить? Хотите поесть? Я только что приготовил немного каши...

Глаза женщины были закрыты, она медленно покачала головой. Бай Шаоцин замолчал и посмотрел на нее. Если бы она могла видеть, то заметила бы, что его глаза влажные, как у олененка, который вот-вот потеряет свою мать.

Взошло солнце. Утренняя заря отражалась красным от горы Хуншань — прекрасный пейзаж.

Бай Шаоцин сидел у кровати женщины, осторожно держа ее за руку, в которой едва бился пульс. Обе руки были холодными, будто кровь уже перестала течь, но остатки силы еще были там, и она нежно, но настойчиво сжимала их, отказываясь отпустить.

Женщина неподвижно лежала с закрытыми глазами.

Дикие цветы раскачивались на ветру, будто приглашая бабочек на танец.

Кроны деревьев шелестели, напевая песню тихими голосами.

Солнце медленно двигалось с востока к зениту, озаряя все вокруг, и затем снова опускалось к закату.

Время незаметно ускользало из державших друг друга рук, меж их пальцев, от плотно сомкнутых глаз женщины, от безмолвного горя Шаоцина.

Постепенно солнце садилось. Ветер начал свистеть в лесу, словно радуясь уходу неодолимого врага.

Последние крохи жизни, все еще болезненно привязанные к тому, кто находится рядом, не могут смириться с уходом.

Масло заканчивается — светильник гаснет*.

*П.п.: 油盡燈枯 — yóu jìn dēng kū — жизнь потухает, жизнь подходит к концу.

Что заставляет женщину бороться, чтобы прожить еще день?

Даже Бай Шаоцин не мог этого вынести.

— Мама, чего вы еще хотите? — прошептал он на ухо женщине.

Женщина вздрогнула и с трудом открыла глаза. Ее белые зрачки смутно мерцали в темноте.

— Мам, закрой глаза, — у Бай Шаоцина перехватило дыхание. — Иди!

Женщина устала, очень устала, она уже не могла больше терпеть. Одолженную у небес жизнь приходится вернуть. Он пожелал своей матери в следующем перерождении жизнь лучшую, чем нынешняя.

Что касается его самого, он более не беспокоился.

В тихом шалаше было темно, даже свечи не горели.

Озеро его сердца, уже почти замерзшее, вдруг покрылось легкой рябью. словно из-за единства душ, он резко поднял голову и посмотрел за дверь.

Высокий силуэт безмолвно стоял в дверном проеме.

Вечер был туманным, поэтому он не мог разглядеть лица. Но Бай Шаоцин уже знал, кто это был.

Его плечи были достаточно широки, чтобы нести все тяготы; его руки были достаточно крепки, чтобы решить все проблемы; его ум нельзя было сравнить ни с чьим другим; нутро как ни у кого больше; а так же непостижимое сердце.

— Не входи.

Когда Бай Шаоцин произнес эти слова глубоким голосом, Фэн Лун уже шагнул внутрь.

Куда бы он ни вошел, там всегда сразу же возникает аура господства, присущая монарху, который свысока смотрит на весь мир. И даже эта маленькая хижина не стала исключением.

— Уйди, — Бай Шаоцин посмотрел на Фэн Луна. Он держал за руку женщину, которая лежала рядом, поэтому мог только смотреть на Фэн Луна пристальным и угрожающим взглядом.

Его глаза, хоть и не злобные, были холодны. Другой, если бы на него смотрели такие красивые, но холодные глаза, давно бы превратился в ледышку. К сожалению тот, на кого он смотрел, был Фэн Лун.

Фэн Лун медленно подошел к кровати и, не обращая внимания на сопротивление Бай Шаоцина, спокойно заключил руки, державшие друг друга, в свою большую теплую ладонь.

Он молча смотрел на женщину, будто она могла почувствовать его взгляд.

Обратившись к женщине, он произнес несколько фраз низким голосом. Бай Шаоцин давно знал, что его слова могут воздействовать на сердца людей, но на этот раз он почувствовал это наиболее сильно.

Он сказал:

— Госпожа Бай, однажды Шаоцин приводил меня к вам. Он человек замкнутый и гордый и,

думаю, я единственный друг, которого он к вам приводил.

— Думаю, такого друга, как я, вполне достаточно, — прибавил он.

Бай Шаоцин вздрогнул, его гневные глаза начали изменяться.

Наконец Фэн Лун с улыбкой произнес:

— Можете быть спокойны!

Он говорил без эмоций, но каждое слово звучало четко, будто он хотел, чтобы женщина все отчетливо расслышала.

Его речь была подобна резцу, высекающим слова в камне одно за другим, без возможности когда-либо их изменить.

Когда он это сказал, на лице женщины появилась легкая, почти незаметная улыбка.

Высохшая рука, которую Бай Шаоцин держал целый день, наконец расслабилась.

Из нее вытянули последние крохи жизни.

Женщина прошла самый сложный этап жизни и смерти.

Оглядываясь назад, все кажется сном, но от прежних чувств осталось совсем немного.

Бай Шаоцину потребовалось всего мгновение, чтобы понять. Его тело обмякло и он свалился на тело женщины, плотно сжимая губы, чтобы не расплакаться.

Фэн Лун стоял рядом и медленно гладил его по волосам.

Когда яростная дрожь прекратила сотрясать его тело, Бай Шаоцин встал. У него не было сил позаботиться о Фэн Луне. Позволив своим инстинктам взять верх, он поднял тело матери на руки и вышел из хижины.

На ветру, под серебристым светом луны колыхался мирт.

Он похоронил любимую матушку в месте, которое ей нравилось больше всего.

Его техника пересечения неба выросла настолько, что вырыть могилу не составило труда.

Он бережно опустил мать в могилу, сорвал горных цветов, чтобы покрыть ее лицо и тело, посмотрел на нее в последний раз, и руками начал засыпать яму землей.

Когда он смотрел, как его мать постепенно покрывает желтая земля, слезы невозможно было сдержать. Сверкающая жидкость капля за каплей падала на земляной холмик, оставаясь там, вместе с человеком в могиле.

Из ниоткуда донесся переливчатый звук сяо, разрезая малейшее дуновение ветра и кружась над лесом, словно ласковая нежная рука.

Бай Шаоцин обернулся и сквозь слезы увидел Фэн Луна.

Прислонившись к дереву, он держал свою сяо и дул. Горный ветер раздувал его рукава, подчеркивая непревзойденную красоту.

Ночь была прохладна, как вода.

Даже беглого взгляда на его лицо хватило, чтобы возникло хорошо знакомое ощущение. Легкие внезапно сжались, и Бай Шаоцин сделал судорожный вдох, впуская в горло холодный ночной ветерок.

Что такое любовь?

Это неполная ненависть и неполная связь.

Это неспособность уйти, неспособность бросить, неспособность отпустить.

Это скрепя сердце нанести сильную душевную рану.

Это открыто оглянуться, не бросить, не отказаться, не жаловаться и не сожалеть.

Что такое любовь?

Это нечто неизбежное.

Нельзя не влюбиться, нельзя не обращать внимания, и даже ненавидя до глубины души, он ничего не мог с этим поделать, совершенно ничего.

Бай Шаоцин долго стоял в неподвижности, ветер трепал рукава его одежды.

Его мать уже далеко, и перед заплаканными глазами остался только один человек.

Ему хотелось в тишине оплакать свою мать, но Фэн Лун, даже не произнося ни слова, стоял неподалеку. Это заставило его выйти из безграничного океана скорби и столкнуться голой землей реальности, о которой он не хотел сейчас думать.

Бай Шаоцин знал, что Фэн Лун неизбежно выяснит его местоположение.

Для чего ты одолжил мне три месяца благодати? Почему это случилось именно в нужное время? Я даже не знаю, мне бояться или радоваться, удивляться или злиться?

Изящные губы, неосознанно сжатые, слегка дрожали.

Печаль, восхищение, унижение, его захлестнули эмоции. Словно плохо приготовленное блюдо, в котором наобум смешали различные приправы; они обожгли чувства Бай Шаоцина и оставили его в замешательстве.

Перед глазами переплелись темно-красные бутылки из агата, пепел от усадьбы семьи Бай, зеленые ивы при главном алтаре культа Справедливости, и матерчатый башмак, оставленный Фэн Луном в тайном проходе.

Глаза немного защипало, он моргнул, и слезы скатились по его лицу, отражаясь в глазах Фэн Луна в два раза красивее.

Фэн Лун беззаботно стоял, всего лишь стоял, но Бай Шаоцин уже чувствовал, как дрожит земля, и как быстро колотится его сердце.

Как его сердце не могло заколотиться? Ведь Фэн Лун был прямо перед ним. Бай Шаоцин был одновременно взволнован и спокоен, и в глубине души даже немного тронут. Он хотел быть рядом с Фэн Луном, хотел обнять его, слушать его низкий голос, чувствовать силу его рук, знать его мысли, понимать его желания.

Шаоцин, я уже посадил в тебе корень любви...

Слова Фэн Луна, сказанные в тот день, молнией промелькнули в мозгу Бай Шаоцина. Его руки и ноги тотчас покрылись мурашками.

Корень любви уже посажен, его нельзя вырвать.

Я все-таки полюбил его, я влюбился.

Он пристально посмотрел в глаза Фэн Луна. Внезапно в его взгляде появился испуг, затем постепенно он стал нежным и сияющим, подобно редкому черному ониксу, что находят в горах. Он вспомнил водопад, Млечный Путь, вспомнил танец бабочек, и связку танхулу, которую дал ему Фэн Лун.

Но нежность исчезла и губы вдруг сжались.

Нет, я не могу это принять!

Желание броситься в объятия Фэн Луна боролось с гордостью и самоуважением, чудовищной волной накатывая на сердце.

Фэн Лун, Фэн Лун, мне так плохо, я хочу быть рядом с тобой, хочу, чтобы ты нежно ласкал меня.

Наконец, в темных глазах мелькнула решимость.

Бай Шаоцин шагнул вперед.

Звук сся замер. Фэн Лун повернул голову, своими мудрыми и бездонными глазами глядя на Бай Шаоцина.

Двое мужчин стояли друг против друга на ветру.

Одинаково непокорные, одинаково покрытые шрамами.

— Шаоцин, что такое любовь? — вздохнул Фэн Лун.

Белая тонкая рука медленно потянулась, преодолевая невидимый барьер воздуха, и коснулась отворотов одежды Фэн Луна.

— Я отвечу завтра, — сказал Бай Шаоцин.

Ловкие пальцы развязали одежду Фэн Луна. Дюйм за дюймом обнажилась его упругая крепкая грудь.

Ветер танцевал в необыкновенно возбужденном дыхании двух мужчин.

— Не подчинение...

Плавные линии мышц, сияющие в лунном свете.

— Не сделка...

Сочетание кожи цвета пшеницы и белой, будто прозрачной, подобной нефриту*, было столь ослепительным зрелищем, что сердце замирало.

*П.п.: Ага, опять нефрит, и он бывает белым, очень дорогой сорт.

— Этой ночью я готов.

В тот момент, когда в него проникли, Бай Шаоцин нахмурился и тихо застонал. Белые зубы до крови прикусили нижнюю губу, а распущенные черные волосы покачивались в воздухе.

Бай Шаоцин ожидал от Фэн Луна силу и энергичность, но его пыл и желание поражали воображение.

Тонкая талия дрожала от вожделения, а белая шея так сильно откинулась назад, что чуть не переломилась пополам. Тяжелые вздохи передавались друг другу вместе с поцелуями.

— Аххх... Мм... — нежный стон без стеснения сорвался с губ Бай Шаоцина, заставляя Фэн Луна усилить напор.

Люблю тебя, я действительно люблю тебя. Когда я с тобой, то чувствую себя иначе, чем с другими мужчинами. Экстаз накатывал волнами, грозя утопить в эйфории.

Узкий канал был расширен до предела, волнуяще обольстительные бутоны сосков налились цветом.

Намокшие от пота волосы прилипли ко лбу, придавая очарование другого сорта.

Пунцовый цвет, словно румяна, растворенные в воде, постепенно распространялся от щек по всему телу в ритме яростных толчков, заставляя каждый участок кожи пропитаться светло-красной страстью.

Бай Шаоцин двигал бедрами, все его тело наполнял неопишуемый аромат возбуждения. От прерывистых стонов пересохло во рту. Лицо выражало безумие и упоение наслаждением, словно он больше не разрывался между любовью и ненавистью.

— Старший брат, ммм... брат...

Несдержанный крик сорвался с красных губ. Широко расставленные ноги, как две проворные змеи, обвились вокруг сильной талии, обнаруживая несравненную силу.

Фэн Лун прикусил красную ягодку соска, торчащего на его груди.

— Маленькая Летучая Мышь, моя маленькая Летучая Мышь... Летучая Мышь...

Мягкий, теплый язык нежно ласкал эту чувствительную выпуклость, а внезапный сильный толчок бедрами заставил мужчину под ним пронзительно всхлипнуть.

Проникновение, кажущееся бесконечным, и неустанное исследование всего тела Бай Шаоцина разворачивалось почти на безумном уровне.

Этот человек без особых усилий перевернул все с ног на голову. Этот человек кажется непобедимым даже техникой пересечения неба.

— Больше не покидай меня, моя маленькая Летучая Мышь.

Нет, нет, не хочу быть закованным, запертым, я не хочу оставаться на одном месте.

Непрерывно изгибающаяся стройная талия жаждала более глубокого проникновения, хаос в мыслях вибрировал в такт движения тела.

— Ах-х... старший брат... ах, м-м...

Так сладко, так приятно, успокаивающе, так трогательно и невероятно. Но я не могу это принять, не могу.

Тебя нельзя контролировать.

Я Летучая Мышь, Летучая Мышь с девятого неба.

Температура тела повышалась бесконечно, как не было конца страсти. Бедра изгибались самым невероятным образом, будто пытаюсь избежать жестокого проникновения, но в то же время подчиняясь дикому ритму. Тонкие нежные пальцы судорожно сжались, поднимаясь вверх, и, беспомощно подрагивали, оставляя многочисленные синяки на плечах Фэн Луна.

Соблазнительные влажные бутоны вздрагивали, когда их ласкали большие грубые руки.

Темная ночь и лунный свет.

Покачиваются горные цветы, дует ветер, капает пот застилая глаза. Постоянная наполненность и ритм странным образом сливаются воедино, порождая странные образы перед глазами.

Время как будто остановилось.

Но только как будто.

В конце концов наступает день.

На рассвете поднималось солнце алое, весело защебетали птицы в горах.

В лесу Фэн Лун постепенно открыл глаза.

Он был полностью обнажен и, когда он сел, его брови нахмурились.

Хмуриться была веская причина: из уголка его рта стекала пугающая струйка крови, а лицо выглядело ужасно.

Что касается жуткого лица, то на это, безусловно, была причина. И ей стал порез от ножа, который ни с того ни с сего нанес вчера Бай Шаоцин.

Теперь, когда он все тщательно обдумал, то понял, что находясь рядом с ним, Бай Шаоцин тайком водил в его тело одурманивающее снадобье. Мало того, он уже получил от заклятого врага технику пересечения неба.

Метровый лед не в один день образуется*, как и клинок, способный противостоять технике пересечения неба.

*П.п.: 冰凍三尺不為一日之寒 — bīng dòng sān chǐ, fēi yī rì zhī hán — метровый лёд не в один день образуется; обр. дело быстро не делается.

Абсолютно невозможно представить, чтобы он использовал уловку, воспользовавшись скорбью по похороненной матери, в момент секса. Он заранее спрятал снадобье внутри своего тела, а затем нанес удар ножом — это действительно гениально.

Отрава была редким дурманом Восточного моря, а трехфутовый клинок специально сделан так, чтобы противостоять технике пересечения неба.

Неудивительно, что Фэн Лун попал впросак.

— Трехфутовый клинок... Где он раздобыл трехфутовый клинок? — Фэн Лун подобрал свою одежду, все еще пребывая в размышлениях. — Неужели смог ускользнуть от моих глаз?

В этом было что-то подозрительное.

Он потрогал рану на спине, неглубокую и недостаточно жестокую. Страшна была не рана, а холод от трехфутового клинка, который был идеальным противодействием для техники пересечения неба. Это неизбежно повлияет на его совершенствование, и ему придется некоторое время медитировать, чтобы восстановиться после травмы.

За всю свою жизнь в мире боевых искусств он никогда не получал серьезных травм, а теперь его внутренняя сила внезапно была повреждена, что было очень неприятно.

— Он не хотел убивать меня, но боялся, что я его поймаю. Раз уж он это сделал, то у него должен был быть план, чтобы отвлечь меня. — Глаза Фэн Луна вспыхнули, выражение лица изменилось, и он сказал низким голосом: — Если бы я был на его месте, то рассказал бы о травме злейшему врагу. Но кому он расскажет? И откуда ему знать, кто мой злейший враг?

Он стоял, погружившись в раздумья, с закрытыми глазами, и вдруг резко распахнул их.

— Шан Лэнхун? Кто, кроме него, мог скрыть такую вещь, как трехфутовый клинок?

Он пару раз холодно хохотнул, горящим взором окидывая все четыре стороны света, но его разум работал в бешеном ритме.

Резко обернувшись, он увидел на земле несколько глубоко вырезанных слов — ты выиграл, но я не проиграл.

Хрупкий золотой колокольчик, сорванный внутренней силой, вместе с капелькой крови лежал около слова "проиграл". Фэн Лун сам надел его на Бай Шаоцина.

Фэн Лун нагнулся и поднял колокольчик.

Дзинь, дзинь...

Колокольчик качнулся, легкий звон разлетелся по лесу.

Он поднял голову, с улыбкой вдыхая свежий утренний воздух, и внезапно нахмурился, потирая грудь и пару раз кашлянув.

Капля крови, сорвавшаяся с его губ упала на желтую землю.

Ты победил, но и я не проиграл.

Моя Летучая Мышь, куда ты полетишь, расправив свои крылья?

<http://bllate.org/book/15169/1340554>